

DOI 10.23683/2415-8852-2019-3-18-28 УДК 821.133.1.09-31+929 Рец

**ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
В ПЕРВОЙ ЧАСТИ «МЕМУАРОВ» КАРДИНАЛА ДЕ РЕЦА****Светлана Юрьевна Павлова**

кандидат филологических наук, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

e-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Аннотация. В статье на материале первой части «Мемуаров» (“Memoires”) кардинала де Реца (1675–1677) анализируются документальные источники, связанные с историей создания произведения, особенности использования фактического материала при построении автобиографического повествования, примеры конструирования автобиографических эпизодов в соответствии с авторской концепцией «Я». Обозначаются проблемы рецепции, касающиеся особенностей сохранившейся рукописи мемуаров, полемики вокруг ее адресата, отклонений от исторических источников, искажений, умолчаний. Рассматривается авторская интерпретация выбора героя между карьерой священника и любовными увлечениями, а также его взаимоотношений с кардиналом де Ришелье, определивших оппозиционность Реца в годы Фронды. Показывается влияние авторских интенций и литературного контекста на моделирование образа автобиографического героя, позволяющее сделать вывод о роли воображения в процессе мемуаротворчества.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, кардинал де Рец, документальное, художественное.

Мемуары Жана-Поля де Гонди, кардинала де Реца (1675–1677), представляют собой органичный сплав документального и художественного, что позволяет исследователям рассматривать их не только как исторический источник, но и как одно из крупнейших произведений французской литературы XVII в. Они были впервые опубликованы в 1717 г., через сорок лет после написания, однако авторская рукопись обнаружилась значительно позже – спустя еще восемьдесят лет. Текст сохранился не полностью и имеет существенные изъяны. Из выделенных автором трех частей почти полностью представлена только вторая, связанная с историей Фронды, в первой отсутствует в общей сложности около пяти печатных листов, а из третьей сохранились лишь четыре небольших фрагмента. В статье мы сосредоточимся на первой части, позволяющей увидеть принципы работы мемуариста с документальными источниками и особенности использования фактического материала в ходе автобиографического повествования.

Проблему соотношения документального и художественного задает заглавная фраза мемуаров, в которой Рец обращается к не названной собеседнице: «Сударыня, как ни мало у меня охоты представить вам историю моей жизни, изобилующую разнообразны-

ми приключениями, я повинуюсь, однако, вашему приказанию <...>» [Рец: 7]¹. Вопрос об адресате мемуаров долгое время занимал внимание французских исследователей. Было понятно, что Рец имел в виду не идеальную читательницу, то есть некий образ, порожденный его воображением, а конкретного человека, как это было принято в мемуарах XVII в. Однако он так и не назвал ее имя, что породило многолетнюю дискуссию среди рецеевдов. В XIX в. преобладала версия о госпоже де Комартен [Belin: 40; Torin: 33], авторитетный литературовед XX в. А. Адан предложил графиню де Лафайет [Pernot: 37; Строев: 710], крупнейший специалист по творчеству Реца А. Бертьер называл двух сменяющих друг друга женщин – маркизу де Севинье и ее дочь госпожу де Гриньян [Bertièrre: 126–141]. Сегодня возобладала точка зрения, убедительно обоснованная М. Перно на основе текстологического анализа и работы с другими историческими источниками: адресатом мемуаров с высокой степенью вероятности была госпожа де Севинье [Pernot: 37–38]. На наш взгляд, отсутствие ее имени в числе названных в тексте лишний раз подтверждает эту версию, поскольку при столь тесных контактах с маркизой и наличии такого количества задействованных в повествовании лиц мемуарист мог обойтись без этого упо-

¹ Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

минания только при одном условии – выборе именно ее в качестве адресата, дающем возможность многократно обозначить в тексте присутствие близкого друга через местоимение «Вы».

Постоянные обращения к собеседнице составляют одну из главных особенностей мемуаров. Они призваны подчеркнуть документальный характер повествования, но, в отличие от других образцов жанра эпохи, где фигура адресата присутствует номинально, чаще всего как дань уважения лицу, у которого автор ищет покровительства, в сочинении кардинала речь идет не о формальном посвящении, а о конструктивном элементе повествования, влияющем на способы организации материала. Многократно апеллируя к адресату, мемуарист создает ощущение живой беседы, что предопределяет свободу тона, разнообразие повествовательных регистров, соединение хроникальной канвы с разного рода романскими элементами – вставными историями и отступлениями. Обращения к собеседнице также актуализируют метанарративный уровень повествования, на котором Рец проявляет себя как активный строитель мемуарной книги, а не только ее герой.

Зачин мемуаров можно рассматривать как своеобразный автобиографический пакт с читателем [Lejeune], в котором Рец формулирует свои намерения. Он настаивает на стремлении рассказывать «чистосердечно

и без уверток» и «ни в чем не погрешить против правды» (7). Ставя во главу угла принцип искренности, мемуарист следует традиции и в ходе повествования неоднократно употребляет слова «правда / истина», а также связанные с ними по смыслу выражения («сказать правду», «по правде говоря» и т. д.). Чистосердечие характеризуется им как проявление добродетели, одной из важнейших этических категорий XVII в., что служит способом самооценки и готовит к соответствующему восприятию автобиографического образа.

Гарантией правдивости автора служит и использование исторических источников. Он утверждает, что сверялся с реестрами Парламента и муниципалитета, называет реальные памфлеты эпохи Фронды, цитирует письма и речи, даже упоминает презируемые им печатные издания («Историческую музу» и «Газету»). Однако такая достоверность оказывается обманчивой. Во-первых, Рец, писавший мемуары в середине 1670-х гг., не мог использовать подлинники многих документов, на которые ссылается. Это справедливо в отношении парламентских записей, уничтоженных по приказу Людовика XIV вскоре после Фронды. Они были известны только по многочисленным копиям, достоверность которых могла быть поставлена под сомнение. То же касается писем и некоторых речей. Мемуарист нередко приводит их целиком, а в отдельных случаях даже поясняет, каким

образом это стало возможным (сразу записал, сохранил, скопировал). Однако его доводы не выглядят убедительными. Дело в том, что переписка вместе с другими бумагами Реца была конфискована еще в момент его ареста в 1652 г., следовательно, спустя двадцать с лишним лет он мог воспроизводить эти тексты только по памяти.

Во-вторых, мемуарист использует документы лишь для поддержания общей повествовательной канвы, выступая, по словам Ж.-Т. Летта, «историком и моралистом возможного» [Letts] в том смысле, что он оказывается сосредоточен на гипотетических вариантах развития событий не меньше, чем на реально произошедшем. В-третьих, Рец отклоняется от исторической правды, на что обращали внимание уже ученые XIX в. [Topin: 41; Chantelauze: Vol. I; 100, 196, 319–321, etc.], а современные специалисты проанализировали многочисленные неточности, умолчания, сознательные искажения истины [Carrier: 40–74; Bertière: 267–322; Виппер: 671–672; Строев: 708–786], наконец, роль творческого воображения мемуариста, который «стремится оставить как можно меньше свободы для фантазии читателя, <...> заставляя следовать своей интерпретации событий» [Стогова: 155].

Это очевидно уже в первой части, где мемуарист начинает выстраивать автобиографический образ в соответствии со своей концепцией «Я», ориентированной на био-

графии великих людей (“grands hommes”). В соответствии с этой традицией, восходящей к «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха, кардинал открывает свою историю, апеллируя к родословной: «Я веду свое происхождение от старинного итальянского рода, прославленного во Франции» (7). Он использует предельно краткую формулу, контрастирующую с развернутым описанием семейного древа в мемуарах XVI – начала XVII вв. (ср. с подробным многостраничным генеалогическим древом в мемуарах маршала Бассомпьера, создававшихся с 1631 по 1643 гг. [Bassompierre: Vol. I; 2–38]) и в то же время отличную от лаконичных, в одно предложение, но очень конкретных сведений у Плутарха [Плутарх: 83]. Причина такой краткости, по всей вероятности, кроется в том, что подробное изложение родословной вскрыло бы факт буржуазного происхождения предков Реца, шедший вразрез с дорогой для него мыслью о знатности семьи. Он не допускает сомнений в своей принадлежности к аристократическому роду, а в третьей части мемуаров даже намекает на его большую древность, в сравнении с домом Медичи (618). Однако уже современник мемуариста Жедеон Таллеман де Рео в своих знаменитых «Занимательных историях» писал об отсутствии сведений о семействе Гонди в трудах итальянских историков, а также о его родственных связях с флорентийскими банкирами [Таллеман де Рео: 204].

Следом за словами о происхождении будущего кардинала идет указание на чудесное предзнаменование, связанное с поимкой в день его рождения громадной белуги. Включение этого факта в мемуары Рец объясняет реакцией на злобные пасквилы, в которых таинственный знак трактовали как указание на рождение зачинщика смуты, и утверждает, что «не столь высокого о себе мнения, чтобы почитать себя достойным предзнаменования» (7). Оправдание мемуариста призвано создать ощущение взвешенной самооценки, но на деле оно не отменяет скрытого намека на чудо, характерного для романских историй о рождении великих людей. Этот эффект усиливает положение соответствующей фразы в тексте: она по сути открывает жизнеописание и замещает генеалогию.

О том, что представляет собой дальнейшее повествование, можно судить только по сохранившимся фрагментам. Они показывают, что Рец описывает период своей молодости вплоть до получения должности коадьютора Парижа в 1643 г. В центре его внимания оказываются три основных сюжета: любовные связи, взаимоотношения с кардиналом де Ришелье и карьера священника. Все они будут в дальнейшем играть важную роль в создании автобиографического образа. В отношении выбора духовной стези отметим, что его интерпретация соответствует реальными фактам и преподносится как результат неблагоприятного стечения обстоя-

тельств (смерти брата, долга перед семьей, неудачи заговоров против Ришелье, разрыва с возлюбленными), не позволивших реализоваться другим честолюбивым планам Реца. Для анализа соотношения документального и художественного более показательны два первых сюжета.

Уже в начальной части мемуаров герой, готовящий себя к духовной карьере, представит аристократом, мечтающим о победах на полях сражений, и поклонником прекрасного пола, поведение которого не оставляет сомнений в словах современника о том, что Рец «склонен к любовным утехам; на уме у него вечно галантные похождения» [там же: 202]. В рассказах о любовных приключениях реальные факты дополняет, а иногда и замещает творческое воображение автора. Так, история о мадемуазель де Сепо разворачивается с использованием элементов галантного и авантюрного романов. Наряду со вздохами, томными взглядами в одно зеркало и нежными ухаживаниями, здесь присутствует родительский запрет, вынужденная таинственность встреч влюбленных, подкуп служанки, план похищения. О литературном влиянии говорит и история с безымянной четырнадцатилетней девушкой, в отношении которой герой отказался от своих домогательств, восхитившись ее умом и добродетелью. Комментаторы мемуаров полагают, что автор мог позаимствовать ее из жизнеописаний Баярда. Он якобы вспоминает об этой исто-

рии, объясняя причины благоволения к себе со стороны короля, то есть использует литературный сюжет для того чтобы представить себя в выгодном свете. Нельзя не упомянуть и о хрестоматийном для рецедедов эпизоде с монахами-августинцами, которых автобиографический герой и его попутчики приняли за духов. Мемуарист наполняет его красноречивыми деталями, ярко характеризует реакции придворных и свое собственное смелое поведение. Выразительность и детальность изображения создают ощущение личного свидетельства, но в действительности мемуарист вновь использует чужой сюжет, почерпнутый из «Занимательных историй» Таллема-на де Рео.

Раскрывая взаимоотношения с кардиналом де Ришелье, Рец объясняет причины своего конфликта с ним и последовательно восстанавливает всю цепочку событий. Мемуаристу, одному из наиболее известных участников Фронды, важно с самого начала объяснить истоки своей оппозиционности по отношению к политике королевского двора.

В первой части автобиографический герой предстает смелым и дерзким молодым человеком, который позволил себе не ответить на благосклонность кардинала Ришелье, ослушался его советов, осмелился дружить с его врагом графом Суассонским, получил первое место при защите диссертации в Сорбонне, обойдя ставленника первого министра, и в результате был подвергнут опале:

«Кардинал де Ришелье, всегда во всем требовавший покорности, в гневе своем дошел до ребячества: он пригрозил представителям Сорбонны, что снесет до основания капеллу, которую начал строить в университете, и снова похвалил меня с неопикуемой злобою. Семья моя была напугана» (15).

Приведенная цитата выполняет роль мини-кульминации, предваряющей дальнейшее повествование о действиях героя, направленных против Ришелье. Она оказывается точно просчитана в композиционном плане, так как включает один эпизод, имевший место уже после того, как герой встал в оппозицию к кардиналу. Речь идет об описании негативной реакции Ришелье на первое сочинение Реца «Заговор графа Джан-Луиджи деи Фиески» (1639, опубликовано в 1665 г.), созданное им в двадцать пять лет. Мемуарист, однако, указывает, что написал его в восемнадцатилетнем возрасте, и благодаря этому включает в череду эпизодов, предваряющих конфликт с кардиналом. Это приводит к усилению драматического эффекта кульминационного пассажа и свидетельствует о литературном мастерстве автора.

Причины личного свойства наряду с характерной для большинства аристократов неприязнью к тирании всемогущего первого министра побудили Реца принять участие в двух направленных против него заговорах. По мнению комментаторов, в этих эпизодах он отступает от исторической правды, либо

нарушая хронологическую последовательность событий, либо сильно преувеличивая степень своей к ним причастности. Первое покушение на кардинала Рец называет событием, которое в случае успеха могло стать одним из «самых великих и громких» для своего века (17), а неудачу второго связывает с поистине невероятной гибелью графа Суассонского (28). В обоих случаях мемуарист рисует себя участником заговоров, великих по замыслу, сопряженных с огромным риском и не осуществленных по воле роковых, недоступных человеку сил. Такая трактовка поведения героя и его судьбы будет характерна для мемуаров в целом.

Отметим еще одну особенность, предвещающую повествование о Реце-фрондере. В этих эпизодах он показывает готовность автобиографического героя действовать как воин с оружием в руках (первый заговор) и как вождь, управляющий народом (второй заговор). Слова графа де Крамая о том, что «избавить [их – С. П.] от Кардинала может только удар шпаги или Париж» (24), выражают сущность аристократического кодекса поведения и определяют два основных вектора действий протагониста в центральной части повествования. Если в выступлениях против кардинала ему не удалось реализовать себя до конца ни в одной из этих ролей, то в годы Фронды он проявил себя в полной мере и как готовый к сражению дворянин, и как предводитель.

Итак, конструируя автобиографический образ, кардинал де Рец опирается на факты, но при этом перестраивает их, довольно свободно обращается со временем, использует литературные модели и чужие сюжеты, отходит от исторической правды, придает событиям знаковое наполнение, то есть оперирует достоверной основой, исходя из собственных задач. Субъективность и тенденциозность его интерпретации проявляются в том, что уже в первой части мемуарист конструирует материал в соответствии с установкой на создание нормативного образа аристократа XVII столетия: галантного кавалера, достойного человека, а главное, настоящего героя, способного на великие свершения. Несмотря на реальное крушение многих грандиозных планов Реца, именно такой образ, сформированный и зафиксированный посредством мемуаротворчества, позволял ему подвести положительный итог прожитой жизни и создавал иллюзию триумфа.

Литература

Виппер, Ю.Б. «Мемуары» кардинала де Реца // Кардинал де Рец. Мемуары. М.: Ладомир, Наука, 1997. С. 651–681.

Кардинал де Рец. Мемуары / Пер. с франц. Ю.Я. Яхниной. М.: Ладомир, Наука, 1997.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Избранные главы / Пер. с греч. С. Маркиша, М. Ботвинника, И. Перельмутера, Г. Страта-

новского, К. Лампсакова. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.

Стогова, А.В. Ущемленный прелат: конструирование политического жеста во французских мемуарах второй половины XVII века // Шаги / Steps. 2017. Т. 3. №. 3. С. 152–168.

Строев, А.Ф. Примечания // Кардинал де Рец. Мемуары. М.: Ладомир, Наука. 1997. 708–786.

Таллеман де Рео, Ж. Занимательные истории / Пер. с франц. А.А. Энгельке, Э.Л. Линецкой. Л.: Наука, 1974.

Bassompierre, F. (1870). *Journal de ma vie: mémoires du maréchal de Bassompierre* (Vols. 1–4). Paris: Libraire Renouard.

Belin, F. (1864). *Etude littéraire sur le génie et les écrits du cardinal de Retz*. Avignon: Typographie et litographie de Bonnet fils.

Bertièrre, A. (1981). *Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976*. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III.

Carrier, H. (1971). Sincérité et création littéraire dans les «Mémoires» du Cardinal de Retz. *XVIIe siècle*. 94–95, 40–74.

Chantelauze, R. (1877). *Le cardinal de Retz et l'affaire du chapeau. Etude historique, suivie des correspondances inédites de Retz, Mazarin etc.* (Vols. 1–2). Paris: Didier.

Lejeune, Ph. (1975). *Le pacte autobiographique*. Paris: Seuil.

Letts, J.-T. (1966). *Retz historien et moraliste du possible*. Paris: A.G. Nizet.

Pernot, M. (2003). Préface. In Cardinal de Retz, *Mémoires*. Paris: Gallimard.

Topin, M. (1872). *Le Cardinal de Retz: son génie et ses écrits*. Paris: Didier.

References

Bassompierre, F. (1870). *Journal de ma vie: mémoires du maréchal de Bassompierre* (Vols. 1–4). Paris: Libraire Renouard.

Belin, F. (1864). *Etude littéraire sur le génie et les écrits du cardinal de Retz*. Avignon: Typographie et litographie de Bonnet fils.

Bertièrre, A. (1981). *Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976*. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III.

Chantelauze, R. (1877). *Le cardinal de Retz et l'affaire du chapeau. Etude historique, suivie des correspondances inédites de Retz, Mazarin etc.* (Vols. 1–2). Paris: Didier.

Carrier, H. (1971). Sincérité et création littéraire dans les «Mémoires» du Cardinal de Retz. *XVIIe siècle*. 94–95, 40–74.

Kardinal de Rets (1997). *Mémoires*. (Yu.Ya. Yakhnina, Trans.). Moscow: Lodomir, Nauka.

Lejeune, Ph. (1975). *Le pacte autobiographique*. Paris: Seuil.

Letts, J.-T. (1966). *Retz historien et moraliste du possible*. Paris: A. G. Nizet.

Pernot, M. (2003). Préface. In Cardinal de Retz, *Mémoires*. Paris: Gallimard.

Plutarkh. (2012). *Sravnitel'nyye zhizneopisan-ya: Izbrannyye glavy* [Comparative biographies:

selected chapters]. (S. Markish, M. Botvinnik, I. Perel'muter, G. Stratanovskiy, K. Lampsakov, Trans.). St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

Stogova, A.V. (2017). Ushchemlennyy prelat: konstruirovaniye politicheskogo zhesta vo frantsuzskikh memuarakh vtoroy poloviny XVII veka [A constrained prelate: Political gesture in French memoirs (second half of 17th century)]. *Shagi* [Steps], 3, 152–168.

Stroev, A.F. (1997). Primechaniya [Notes]. In Kardinal de Rets, *Memuary* [Memoires]. Moscow, Lodomir, Nauka, 708–786.

Talleman de Reo, Zh. (1974). *Historiettes*. (A.A. Engel'ke, E.L. Linetskaya, Trans.). Leningrad: Nauka Publ.

Topin, M. (1872). *Le Cardinal de Retz: son génie et ses écrits*. Paris: Didier.

Vipper, Yu.B. (1997). «Memuary» kardinala de Retsa [“Memoirs” of Cardinal de Retz]. In Kardinal de Rets, *Memuary* [Mémoires]. Moscow: Lodomir, Nauka, 651–681.

DOCUMENT AND FICTION IN CARDINAL DE RETZ'S "MEMOIRS", PART 1

Svetlana Yu. Pavlova, PhD, Associate Professor, National Research Saratov State University named after N.G. Tchernyshevsky, Saratov, Russia; e-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Abstract. We analyse the documentary sources of the first part of Cardinal de Retz's "Memoirs", written in 1675–1677, his use of factual material in the process of autobiographical writing and examples of construction of autobiographical episodes in accordance with the author's image of "self". The article adds to the discussion of traditional problems in the literary study of de Retz's "Memoirs": the history of the manuscript, the narrative's addressee, its disagreements with other historical sources, misrepresentations, concealments. The author's interpretation of the hero's choice between a career as a priest and love, as well as his relationship with cardinal de Richelieu, who determined the opposition of Retz in the years of the Fronde, is considered. The author's intentions in constructing the autobiographical subject and the influence of the contemporary literary context are shown, enabling the conclusion on the functions of the imaginary in memoir writing.

Key words: memoires, XVII-th century French literature, Cardinal de Retz, documentary sources, fiction.

